

Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

Карло
Гоцци

Зеленая птичка

Перевод с итальянского
Михаила Лозинского

Библиотека драматургии Агентства ФТМ

Карло Гоцци
Зеленая Птичка

«ФТМ»

1765

Гоцци К.

Зеленая Птичка / К. Гоцци — «ФТМ», 1765 — (Библиотека драматургии Агентства ФТМ)

ISBN 978-5-4467-2541-0

Когда король Тарталья отправился на войну, жена родила ему близнецов — мальчика и девочку. Но злая королева-мать обвинила ее в измене и подложила в колыбельку двух щенков; детей она приказала убить, а их мать заживо похоронила в яме. Однако слуга сжалился над малютками и пустил их по реке, где их нашла жена колбасника. Прошло почти девятнадцать лет, и скорбящий король вернулся в свою страну. Близнецы, узнав, что они подкидыши, решили найти своих настоящих родителей. Однако прежде им предстоит преодолеть множество препятствий.

ISBN 978-5-4467-2541-0

© Гоцци К., 1765

© ФТМ, 1765

Содержание

Действующие лица	6
Действие первое	7
Явление I	8
Явление II	11
Явление III	13
Явление IV	15
Явление V	19
Явление VI	21
Явление VII	22
Явление VIII	24
Явление IX	25
Явление X	27
Действие второе	32
Явление I	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Карло Гоцци
Зеленая Птичка
Философическая сказка для
театра в пяти действиях

Публикуется по авторскому тексту переводчика с сохранением его орфографии и пунктуации, 1954 г.

* * *

Действующие лица

Тарталья – король Монтеротондо.

Тартальона – престарелая королева Тароков, его мать.

Нинетта – жена Тартальи.

Ренцо, Барбарина – близнецы, ее дети.

Помпея – статуя, возлюбленная Ренцо.

Кальмон – античная назидательная статуя, царь Изваяний.

Бригелла – поэт и прорицатель, притворно влюбленный в Тартальону.

Труффальдино – колбасник.

Смеральдина – его жена.

Панталоне – министр Тартальи.

Зеленая Птичка – король Террадомбры, влюбленный в Барбарину.

Яблоки, поющие.

Золотая вода, звучащая и пляшущая.

Статуя из Тревизо.

Риоба с товарищами – статуи с Кампо деи Мори в Венеции.

Голос Серпентины, феи.

Каппелло, Чиголотти – уличные рассказчики, статуи.

Слуги, стража и разные звери.

Действие происходит частью в вымышленном городе Монтеротондо, частью в саду Серпентины, частью у холма Людоеда и в других местах, соответствующих природе баснословного представления.¹

¹ «Зеленая Птичка» является продолжением «Любви к трем Апельсинам». Потому главные действующие лица обеих фьяб совпадают с той поправкой, что по времени действия обе пьесы разделены двадцатью годами. За этот период престарелый король Треф умер, принц Тарталья стал королем воображаемой страны, называемой здесь Монтеротондо (дословно «круглая гора»). Новым персонажем является не выступавшая в «Любви к трем Апельсинам» мать Тартальи Тартальона, обозначенная как «престарелая королева Тароков» (Тароки, как сказано в примечании к «Любви к трем Апельсинам», – пятая масть в итальянской колоде карт, используемая только для игры в Тарок). Некоторые персонажи изменили свой характер и положение. Так, Труффальдино из положительного персонажа – королевского повара – стал отрицательным персонажем – колбасником, а Смеральдина из отрицательного персонажа – злой арапки – стала положительным персонажем, доброй женой Труффальдино. Бригелла, который был только придворным интриганом, стал поэтом и прорицателем, влюбленным в королеву Тартальону. Отметим новые персонажи – Зеленую Птичку, под обликом которой скрывается король вымышленной страны Террадомбры (дословно «тенистой земли»), и Кальмона, царя Изваяний.

Действие первое

Улица в городе Монтеротондо.

Явление I

Бригелла в виде карикатурного прорицателя. Панталоне, позади, слушает со вниманием.

Бригелла

(про себя, с воодушевлением)

О солнце, образ вещей
Людской судьбы неверной,
Ты с высоты безмерной
Ужасные изобличаешь вещи!

Панталоне

(про себя)

Этот поэт сводит меня с ума. Он говорит, точно картины пишет, а стихи он сочиняет — ну прямо для свадебных подношений.

Бригелла

(как раньше)

О бедная Тароков королева!
Тарталья, взысканный судьбиной!
О Ренцо с Барбариной!
Сей плод рожден от рокового древа!

Панталоне

(про себя)

Ого! Заехал в царскую кровь Монтеротондо. Королева Тароков бедная? Да, сударь; и поделом. Эта старая карга, с тех пор как уехал ее сын, король Тарталья, только и занимается тиранством, а он не заслуживает счастья, раз оставил управление на целых восемнадцать лет в руках у этой ведьмы. Хоть бы она умерла тогда, на свадьбе сына, когда у нее была рожа на ногах. Но не понимаю. О Ренцо с Барбариной! Сей плод рожден от рокового древа!

Бригелла

(как раньше)

Владыка Треф, отшедший дух державный,
Незримый нашим взорам!
Сколь громким делом, сколь великим вздором
Прославится Монтеротондо славный!

Панталоне

(как раньше)

Еще прославится? Как будто мало того, что на наших глазах апельсины становились женщинами, женщины становились голубками, голубки становились королевами блаженной памяти?

Бригелла

(как раньше)

Тарталья, ты снова
Вернешься в столицу,
Нинетта здорова
И кинет темницу,
И возродится, в бедствиях не сгинув,
Державное потомство Апельсинов²

Панталоне

(в сторону)

Что-то не то, приходится стоять, разиня рот, и слушать его, как дураку. Этот в проричании будет раз в шесть посильнее, чем альманах³. «Тарталья, ты снова вернешься в столицу»? Само собой, это король Тарталья, который ушел на войну с мятежниками и которого нет вот уже девятнадцать лет; и он будет здесь нынче вечером, само собой. «Нинетта здорова»? Нет уж, здесь я ее не увижу. Королева Нинетта погребена заживо тому восемнадцать лет, под отверстием сточной ямы, по злобе этой старой мегеры, королевы, и это я видел собственными глазами. И представить себе, что она не сгнила и не рассыпалась в порошок? «Не сгинуло потомство Апельсинов»? Сгинуло, хоть и трудно это переварить. Мне кажется, будто и сейчас еще та роковая минута, когда бедная покойная королева Нинетта, прежде чем быть погребенной заживо под отверстием сточной ямы, родила этих двух близнецов, мальчика и девочку, апельсинчика и розу по красоте. У меня, которому эта старая карга, их бабка, приказала их зарезать, душа болит, душа болит молчать; и мне кажется, что я все еще вижу это черное дело, как положили в колыбель, вместо близнецов, двух уродливых щенят, которых родила придворная костюмерша; а потом бабка написала королю это донесение, это обвинение, эту несправедливость, вызвавшую столько ужасных распоряжений, которые будут вспоминать у очага, как сказку. Правда, у меня не хватило духу зарезать этих крошек, и я, как сегодня помню, сделал из них сверток, взяв двадцать четыре локтя венецианской клеенки, отличной, которую продают у Трагетто дель Бузо, и, даже с возможной тщательностью устроив их, чтобы предохранить от сырости, бросил этот драгоценный пакет в реку, а бабке их отнес два козлячьих сердца, как делают хорошие министры в подобных случаях. За восемнадцать лет, даже если они не захлебнулись или не погибли от голода, они должны были умереть, оттого что не могли расти, потому что я их плотно зашил крепкой бечевкой. Дорогой синьор астролог, вы прекрасный поэт, но вы не имитатор, не прикидываетесь, будто даже умеете говорить по-тоскански; ваши – дела, а не слова; и небо умеет наделять людей великими талантами, и эти люди умеют тоже говорить такой вздор, что им смеются в физиономию. Нет, крышка, потомство Апельсинов угасло.

Бригелла

(касаясь руками лба, как раньше)

Когда от страшных Яблок, распевающих,
От Золотой воды, со звоном пляшущей,
От королей пернатых, рассуждающих,

² Дети Тартальи и Нинетты называются «потомством Апельсинов», потому что Тарталья получил Нинетту из апельсина, в оболочке которого она пребывала, вследствие волшебства Креонты (ср. «Любовь к трем Апельсинам», действие третье).

³ В Италии XVIII века было широко распространено сочинение альманахов с предсказаниями на разные дни года.

Тебе на помощь, Тартальона,
Волшебных сил не снидет оборона,
Ты станешь жертвой статуй разных,
Текучих, твердых и парообразных;
Ты сядешь разом в грязное болото
И будешь звать напрасно
Бригеллу, мудреца и звездочета.

(Приходит в себя.)

Но ах, убывает небесное вдохновение; я становлюсь дураком, как все прочие люди. Мной овладевает знакомая томность в легких, я чувствую приближение обычного обморока. Я вижу поблизости колбасную. Излечим похлебкой за два сольдо изнеможение, в которое повергает божественное пламя, поэтический пыл. *(Уходит.)*

Панталоне

Разрази меня гром, что за чудесные стихи! Я в них не понял ни черта; ну, может ли быть что-нибудь божественнее? Яблоки распеваящие, воды пляшущие, текущие, твердые и парообразные... Как хотите, а что-нибудь великое да случится у нас при дворе. Я видал столько невозможных вещей, что сомневаюсь во всем и сделался философом-пирронианцем до костей⁴. Какой бы еще мог наступить кавардак после целой вереницы превращений? Сжигаются арапка Смеральдина и Бригелла, слуга валета Треф. Арапка Смеральдина после сожжения воскресает белой⁵, как старая трубка, брошенная в огонь; на ней женится Труффальдино, придворный повар, и они открывают колбасную. Бригелла, сгорев⁶, как бы сказать... как сонет к диссертации, воскресает из пепла прорицателем и знаменитым поэтом. Ох, меня ничто не удивит; все может быть, все может быть. *(Уходит.)*

⁴ Пирронианец – последователь древнегреческого философа Пиррона из Элиды (IV век до н. э.), основателя скептической школы, стремившейся доказать сомнительность, недостоверность всякого познания.

⁵ Намек на финал «Любви к трем Апельсинам», где король Треф приговаривал Смеральдину к сожжению за ее проступки.

⁶ Здесь Гоцци допускает неточность: Бригелла в «Любви к трем Апельсинам» был приговорен не к сожжению, а к «жестокому изгнанию».

Явление II

Труффальдино в виде колбасника и Смеральдина.

Труффальдино. Кричит, что больше не в силах ее терпеть, что, покуда она была сгоревшей, она была хоть полезной дрянью, а что если ей нужно было воскреснуть дурой, то уж лучше бы она оставалась углем. Проклинает час, когда женился на ней, говорит, что она его окончательная погибель, и т. д.

Смеральдина. Конечно, лучше бы ей оставаться пеплом, чем выходить замуж за такого плута, как он, который только и думает о еде и проматывает на свои пороки все капиталы их лавки.

Труффальдино. Капиталы – его, добыты его потом, когда он был придворным поваром, и честными хищениями, обычными в его ремесле; лучше было бы бросить их в реку, чем открывать колбасную торговлю, потому что она раздает тайком всем своим городским кумушкам требуху, колбасу и т. д. и верит в долг носильщикам, извозчикам и даже (он не может об этом спокойно думать) в такой век, как нынешний, поэтам.

Смеральдина. Если она и была немного податливой, то, видит небо, что это от чистого сердца, но она всегда заботилась о пользе для торговли, а он не только сам себя объедал всякий час, кладя себе даже под подушку жареную печенку, чтобы есть ночью, но раздавал на сторону женщинам дурного поведения, в ущерб не только лавке, но и себе, потому что после должен был давать еще и докторам, и хирургам, и аптекарям ветчину, сосиски и т. д.

Труффальдино. В бешенстве; она хочет казаться правой и говорить последней. Между тем в лавке осталось всего-навсего четыре сухих осьминога да два гросса жареных угрей⁷; он разорен ее роскошью и безумной расточительностью; небо не дало им детей, кроме одного ребенка, который умер, но она захотела насильно взять тех двух младенцев, найденных в реке завернутыми в клеенку, вскормить их обоих и совершенно разориться; с той поры он потерял к ней любовь и по этой причине уклонялся от супружеских ласк, чтобы облегчить свою преисполненную отвращением душу; ее желание держать при себе мальчишку и девочку, пока им не минет восемнадцать лет, величайшая глупость, главная причина его разорения и т. д.

Смеральдина. В ярости; – чтобы он не смел задевать ни Ренцо, ни Барбарину ни делом, ни словом, не то она ему покажет.

Труффальдино. Он это решил окончательно и не желает их больше видеть в своем доме.

Смеральдина. Ее отчаяние, сострадание, ее похвалы Ренцо и Барбарине, их послушанию, доброте и равнодушию к лишениям. Они питаются остатками; они постоянно учатся; они полезны, потому что Ренцо ходит на охоту и всегда приносит зайцев и т. д.; Барбарина ходит по дрова, стирает, подметает и т. д.

⁷ Гросс – двенадцать дюжин. Эта мера применяется главным образом при счете мелких галантерейных и писчебумажных товаров.

Труффальдино. Заявляет, что не желает их, потому что у Ренцо философских правил больше, чем у него, а Барбарина слишком скромна и от нее нельзя ждать никакой пользы и т. д.

Явление III

Те же. В глубине Ренцо с аркебузом⁸ и книгой в руке, и Барбарина, с вязанкой дров и книгой, оба в рваной одежде.

Барбарина

Брат Ренцо, наша мать и наш отец
О чем-то спорят.

Ренцо

Надо их послушать.

Останавливаются и смотрят.

Смеральдина (*к Труффальдино*). Если он осмелится сказать хоть одно несправедливое слово Ренцо или Барбарине, она ни перед чем не остановится.

Труффальдино. Он только ждет их возвращения, чтобы прогнать их из дому.

Смеральдина. Ее мольбы к Труффальдино не совершать этого тиранства.

Труффальдино. У него нет детей, и он не желает тратить на подкидышей.

Ренцо

(*Барбарине*)

Подкидышей!

Барбарина

Не понимаю: как!

Смеральдина. Просит Труффальдино никогда не произносить этого слова: подкидыши.

Труффальдино. Он едва не умер от удушения, столько времени сдерживаясь, чтобы не сказать им его; но больше он не может сдерживаться. Как только они ему попадутся, он им скажет: подкидыши, подкидыши тысячу раз, чтобы вздохнуть.

Смеральдина. Может быть, они окажутся детьми какого-нибудь знатного вельможи; их прекрасные манеры и лица говорят об этом.

Труффальдино. Детей знатных вельмож не находят в реках голыми в клеенке и т. д. Он решительно не желает тратить на подкидышей.

Ренцо

(*Барбарине*)

Все ясно, мы подкидыши, сестра.

(*Приближается к Труффальдино.*)

⁸ Аркебуз – старинное фитильное ружье.

Так, значит, мы подкидыши, отец?

Барбарина

(приближается к Смеральдине)

Скажите: правда, мы не ваши дети?

Смеральдина, не отвечая, раздражается слезами.

Труффальдино *(с важностью)*. Он не знает слез и героических нежностей, его бедность не допускает героизма. Преувеличивает свое разорение, карикатурно излагая свой торговый баланс. Говорит, что и так уже слишком долго содержал их; пусть они знают, что они действительно подкидыши, найденные голыми в клеенке, одетыми только в собственную кожу. Он неповинен в их бедствиях, и видит небо, он призывает небо в свидетели, что со своей стороны он уговаривал жену взять этот кусок клеенки и бросить их опять в реку, чтобы они потонули и не подвергались бесконечным бедствиям этого мира. Его клятвы в подтверждение истины сказанного. Его жена всегда сумасшедшая и безрассудная, захотела насильно оставить их в живых и воспитать их на их же беду. Он, со своей стороны, не обязан отвечать перед небом за то, что не дал им необходимого образования. Он убежден, что они научились есть, пить и отправлять естественные потребности; поэтому они должны воспользоваться теми знаниями, которые он, со своей стороны, им преподавал, немедленно уйти и больше не переступать порога его дома, иначе и т. д.

(Уходит.)

Явление IV

Ренцо, Барбарина и Смеральдина.

Ренцо

Недурно! Барбарина, вот, бесспорно,
Большая новость. Я благодарю
Судьбу за то, что у меня в груди
Могучий дух.

Барбарина

Я отрицать не стану,
Могла бы тяжелой быть минута эта.
Когда бы философских сочинений
Мы не читали и не размышляли
С тобой о человеческой природе
И разуме, несдобровать бы мне.

Смеральдина

Родные дети вы мои, охота
Вам слушать мужа. Этакий осел
И негодяй!

Ренцо

Но что ж, мы ваши дети
Или не ваши?

Смеральдина

Не мои. Вы сами
Все слышали. Но ведь не все ль равно?
Я, как своих, вскормила вас, растила,
Не отрывайтесь от моей груди.

Барбарина

Нет, Смеральдина. Мы расходы ваши,
Как только сможем, возместим сполна.
Недопустимо, чтобы тот, кто вам
Чужой по крови, отягчал собою
Ваш бедный дом, наперекор к тому же
Супругу вашему. Мне очевидно,
Что от разлуки с нами вы склонны
К известной грусти. Это недовольство

Вам внушено единственно привычкой
Жить с нами вместе, мыслями о том,
Что нам обидно пережить изгнание,
Уйти скитаться. Вы должны понять,
Что ваше недовольство рождено
Лишь себялюбием, царящим в вас.

Смеральдина

Как себялюбием? Что это значит?

Барбарина

Да, Смеральдина, вы огорчены,
Что мы уходим; значит, вы хотите
Нас удержать, чтоб легче было вам;
Итак, вы для себя хотите блага.
Не мудрствуйте, тут возразить нельзя.
Так знайте же, что я и брат мой Ренцо
В лесу обычно предаемся чтенью
Новейших книг, которые на вес
Вы покупаете для лавки; там
Мы философствуем о человеке
И познаем до корня все причины
Различных человеческих поступков,
И нас уже ничто не удивит.
Мы неповинны в вашем недовольстве
Ни в малой степени, ему виной
Лишь ваше себялюбие. Смирите
Его рассудком, если в силах. Мы
С высоким равнодушием уходим.
Когда разбогатеет, мы припомним
Все, что вы сделали для нас, конечно,
Мы по общественным законам вас
Вознаградим, но не из чувства долга.
Ступайте. До свиданья.

Ренцо

Так, сестра,
Ты истинный философ, ты отлично
Умеешь человеческим желаньям
Противоставить истинную ценность
Общественных законов. Смеральдина,
Пусть небеса помогут вам. Идите
К супругу, утвержденному для вас
Общественным законом, и старайтесь
От темных чувств освободить свой разум,
Коль только можете, и тем ослабить

Гнет себялюбия, томящий вас.
Ступайте. До свиданья.

Смеральдина

Вертопрахи
Без головы! Что это за слова?
Какое себялюбие такое?
Рассудок? Общество? Законы? Кто
Вас научил так говорить и думать?
Ах, глупые ребята!

Барбарина
(громко смеясь)

Ха, ха, брат,
Смотри, она сердита! Как ужасно
Не быть философом.

Ренцо

Вас, Смеральдина,
Терзает себялюбие. Идите.
Иначе здесь вас устыдит при всех
Любой из образованных прохожих,
Лишенный предрассудков.

Смеральдина

Видит небо,
Когда б я знала вашу черноту,
Оставила бы вас тонуть. Так, значит,
Я из любви к самой себе спасла
Вас из воды и не дала погибнуть?

Барбарина

Что за вопрос! Ведь это очевидно.
Вы чувствовали, что для вас приятно
Так поступить, и поступили так.

Смеральдина

Чтоб вас кормить, я истощалась; голой
Ходила, чтоб одеть вас; свой кусок
Я уступала вам, чтоб были сыты
Вы по сей день; для вас перенесла
Тьму бедствий, тьму тревог, и это все
Из себялюбия?

Ренцо

Мне слушать вас
Поистине смешно. Ха, ха! Конечно,
Из себялюбия. То, чем вы жили,
Был фанатизм геройского поступка.
То удовольствие, что доставлял вам
Поступок ваш, желанье приобрести
Над нами власть, все это было только
Игрою себялюбия.

Смеральдина

О небо!
Так значит, вы не видите ни в чем
Моей заслуги?

Барбарина

Смеральдина, тише.
Поступок ваш не создает заслуги
Сам по себе. Но если нас постигнет
Удача, мы сообразуем чувство
С общественным законом и сполна
Вам возместим убыток, понесенный
Из себялюбия.

Смеральдина
(в ярости)

Да будет проклят
Тот день, когда из-за любви к себе
Я пожалела двух неблагодарных,
Двух сумасшедших, что меня бросают
Так равнодушно и жестокосердно.
Когда хоть раз спасу того, кто тонет,
Когда хоть раз озябшего одену,
Когда хоть раз еще дам медный грош
Тому, ктодохнет с голода и жажды,
Пушай меня задушат, искромсают,
В куски изрубят и опять сожгут.

(Уходит.)

Явление V

Ренцо и Барбарина.

Ренцо

Она ушла рассерженной. Сестра,
Простим ее невежество.

Барбарина

Конечно.
Но, все-таки, скажи: тебе не грустно
Вдруг очутиться так, бродягой бедным,
В лохмотьях и не зная, чей ты сын?

Ренцо

Ничуть, сестра. И вот мой философский
Расчет. У нас с тобою нет отца
И матери. Мы, стало быть, свободны
От послушанья и воздействий. Так
Уже отсечено желанье смерти
Родителей, чтоб получить в наследство
Их достоянье, дабы утолять
Несчетных человеческих страстей
Безмерные порывы. Это – благо,
А вовсе не ущерб. Но перейдем
К дальнейшему. Ты никого не любишь?

Барбарина

Нет, никого, мой Ренцо, будь уверен.

Ренцо

Я тоже никого. Так отсечен
Источник безрассудного желанья,
Источник этой пагубнейшей страсти
Искать утехи в щегольских нарядах,
Из-за которой жалки и смешны
Влюбленные, из-за которой стонут
Владельцы лавок, верящие в долг.
Вот благо, превышающее многим
Невыгоду лохмотьев. Если так,
Не будем приучать природу нашу
К тому, что современники считают
Удобным и приятным. Никогда

И ни к чему не следует питать
Привязанность и дружбу в этом мире.
Нам забывать нельзя, что оба пола
Орудуют всегда себялюбиво.
Возьмем за правило, что вообще
Все смертные высокомерны, жадны,
Тщеславны, мстительны, непрямодушны,
Нам надлежит питаться этой мыслью;
Исторгнем себялюбие вполне
И будем счастливы. Идем, сестра.

Барбарина

Послушай, Ренцо. Я тебе клянусь,
Что никого не полюблю, что буду
Всю жизнь философом. Но я должна
Признаться, что хотя я никого
И не люблю, но часто вокруг меня
Одна Зеленая летает Птичка;
Она меня, как видно, любит; к ней
Я и сама испытываю нежность.

Ренцо

Сестра, пустое. Я тебя избавлю
От этой страсти. Знай, что птицы все,
По тайному инстинкту, любят виться
Вкруг щеголих. Тебя она считает
За щеголиху и летит к тебе.
Уйдем от всех, покинем этот город
С его соблазнами.

(Уходит.)

Барбарина

О свет! О свет!
Как ты печален, если здесь нельзя
Прельститься даже легкою любовью,
Воздушной дружбою зеленой птички.

(Уходит.)

Явление VI

*Подземный склеп под отверстием сточной ямы, где заключена **Нинетта** в траурной одежде.*

Нинетта

Зачем еще живу я год за годом,
Погребена в ужасной этой яме,
Где столько нечистот, таких зловонных,
Всегда течет? Несчастливая Нинетта,
Дочь Конкула! Тебе бы лучше было
Голубкой оставаться, заключенной
Под коркой рокового апельсина,
Во власти у Креонты, великанши,
Чем оказаться, будучи невинной,
Неведомо за что похороненной
Еще при жизни в этой грязной яме,
Едва успев родить двух близнецов.
Вот добрая зелененькая Птичка,
Что, как всегда, приносит мне еду,
Спускаясь чрез отверстие сточной ямы.
Ах, Птичка, Птичка, лучше бы ты дала
Мне умереть! Тогда конец настал бы
Моим мученьям. Были бы довольны
Жестокий мой супруг, король Тарталья,
И недруг мой, его старуха-мать.

(Плачет.)

Явление VII

Нинетта, Зеленая Птичка, спускающаяся с бутылочкой и хлебом.

Зеленая Птичка

Не плачь, не плачь, Нинетта; уже, быть может, скоро
Ты выйдешь к лучшей жизни из страшного затвора.

Нинетта

Как? Неужели это голос Птички?

Зеленая Птичка

Ах, не дивись, Нинетта, что я хранил молчанье,
Восемнадцать лет, не смея смягчить твоё страданье.
Ведь ты, побыв принцессой, а после – апельсином,
Узнала, что возможно меняться всем личинам.
Я царский сын, но в детстве, ребенком-невеличкой,
По воле Людоеда я стал Зеленой Птичкой.
Все может дочь Нинетты, мой идол, Барбарина;
В ее руках таится твоя, моя судьбина.
Но ах, пред нашей целью великие препоны,
Нас угнетают злые, жестокие законы!

Нинетта

Скажи мне, Птичка, в чем моя вина?
За что томлюсь я в этой страшной яме?
Что муж мой, что мои родные дети?

Зеленая Птичка

Нинетта, ты невинна, тебя свекровь сгубила,
Она тебя в распутстве пред сыном обвинила.
Она ему писала – он был тогда в отлучке, –
Что родила ты двойню из кобелька и сучки.
Король всему поверил и повелел указом
Бездушной Тартальоне все дело кончить разом.
Жестокая старуха, украв твою свободу,
Детей, тобой рожденных, велела бросить в воду.
Но дети не погибли. Нашелся им спаситель,
Почтенный Панталоне, венецианский житель.
Они по свету бродят, как два простолюдина;
Один зовется Ренцо, другая – Барбарина.
Нинетта, верь, надейся; но не надейся слепо;
Молись богам усердно из смрадного вертепа.

И, если брат с сестрою осият все напасти,
Ты из зловонной ямы вернешься к прежней власти;
Погибнет Тартальона; я сброшу хвост зеленый;
Коль дочь твоя не дрогнет, ее возьму я в жены.
Но, боже, я обязан служить враждебным силам.
Нинетта, я смолкаю и обращаюсь тылом.

(Поднимается и исчезает.)

Нинетта

Мужайся, разум; о, поток событий!
Преломим хлеб, с молитвой к небесам.
Когда, восемнадцать лет пробыв в могиле,
Я выберусь отсюда,
То свет еще не знал такого чуда.

Склеп закрывается.

Явление VIII

Городская улица.

Бригелла *один.*

Бригелла. Восстановил свой пророческий дар съеденными в колбасной овечьими потрохами под соусом. Чувствует, как у него в животе бурлят астрология и вдохновение поэтическое и провидческое; это прелюдии того, что сейчас разразится. Он будет помогать Тартальоне, насколько сможет; он испытывает любовную слабость к этой старухе; о вкусах не следует спорить. Она старуха, безобразна, но королева. У поэта могут быть склонности, отличающие его от толпы. Ему хотелось бы смягчить ее сердце знаками внимания, чувствительными выражениями и нежными стихами.

(Напыщенно.)

Сребро витых и ввысь встающих влас,
Клубящееся вокруг золотого лика.

(Уходит.)

Явление IX

*Пустынный берег.
Барбарина и Ренцо.*

Барбарина

Брат, ночь близка, а здесь я вижу только
Пустынный берег, воздух ледяной.
Мои ступни, и челюсти, и руки
Дрожат от холода. Я сознаюсь,
Мной себялюбие овладевает.

Ренцо

Будь твердой, Барбарина, и борись.
Я сам от голода едва стою;
Но этот дикий, обнаженный берег
И эта отдаленность от людей,
Себялюбивых, злобных, о поверь,
Мне укрепляют дух...

Барбарина

Но, Ренцо, если
Нас пригласил бы кто-нибудь сейчас
В свой дом, и затопил бы нам камин,
И предложил бы нам хороший ужин,
Хорошую постель, скажи по правде,
К нему ты чувствовал бы неприязнь?

Ренцо

Я бы ценил постель, камин и ужин;
Но, думая об этом человеке,
Который ради собственной улады
Нас пригласил к себе, я бы с презрением
Отверг его благодеянье.

Барбарина

Ренцо,
Я правду говорю: сон, голод, холод
Заставили б меня его признать
Ну просто восхитительным и полным
Любовью к нам, а не к себе.

Ренцо

Тьфу, тьфу.
Он был бы или женщиной, и так
Он поступил бы для меня, мужчины;
Или мужчиной, и тогда бы сделал
Так для тебя, для женщины. Всегда
Лукавство. В лучшем случае он был бы
Подвигнут фанатизмом, жаждой славы;
Себе же говорил бы: вот великий,
Великодушный, щедрый, сердобольный,
Прекраснейший поступок. Всюду скрыто
Гнилое себялюбие внутри.

Барбарина

Ах, Ренцо, голод, холод и усталость
Во мне так сильны, что в моих глазах
Ты попросту безумец и фанатик,
Себялюбивей всех других людей.

Ренцо

Но почему?

Барбарина

Твоя свирепость эта,
Твое презрение ко всем другим
В тебе из себялюбия родятся.
И себялюбие в тебе так властно,
Что ты не замечаешь сам, как гибнешь
От голода и стужи. Или это,
Ты думаешь, еще не фанатизм?

Ренцо

Постой немного. Я боюсь, что ты
Прав. А если так, не отрицаю,
Я сам к тебе питал бы неприязнь.

(Задумывается.)

Явление X

Землетрясение, чудеса, мрак.

*Те же и **Кальмон**, античная статуя.*

Кальмон

Она права. Открой глаза, о Ренцо.

Барбарина

О боже, Ренцо; статуя шагает
И говорит.

Ренцо

Философ назовет
Подобный случай неправдоподобным;
Но это правда. Статуя, кто ты?

Кальмон

Я тот, кто прежде был, как ныне ты,
Плохим философом. Я вскрыть стремился
Людскую душу. Человеком видел
И я, что себялюбие – причина
Малейших действий. Видел, или мне
В моем бреде казалось, что рассудок –
Раб чувств, и, в буйной дерзости ума,
Я почитал несправимо жадным,
Неблагодарным, вероломным, злым,
Лишь для себя, не для других живущим
Весь род людской и высшего начала
Славнейшее и лучшее создание
Кичливо презирал. О, лучше б я
Язык свой вырвал, прежде чем впервые
Самоотверженность высоких дел,
Которую я все же видел в людях,
Я назвал фанатизмом и безумьем,
Исчадьем себялюбия, рожденным
Самодовольной и дурацкой спесью!
Как много я пресек прекрасных дел,
Как много создал я неблагодарных!
Что пользы, Ренцо, принуждать себя
Быть подозрительным ко всем и тратить
Дар слова, чтобы убеждать других,
Что по своей природе неизбежно
Все люди плохи и что разум в рабстве

У наших чувств? Среди живых ты только
Взаимное разбудишь подозрение,
Тоску и отвращение друг к другу.
И вечную вражду. Ведь сам ты, Ренцо,
Лишь человек. Когда бы кто-нибудь
Сказал тебе, что о тебе он судит,
Как ты о прочих, знаю, тайный стыд
Ты испытал бы, и язык твой, движим
Все тем же себялюбием, искал бы
Все средства оправдаться, чтоб уверить,
Что сам ты честен, милостив и щедр.
То глас природы, не терпящей зла.
Ты, значит, хочешь быть таким и знаешь,
Что человек таким быть должен, ты
Рассудком, неподвластным чувству, видишь,
В чем зло и в чем добро. Люби себя,
Любя других, и, следуя рассудку,
Который исполняет волю неба,
А не мгновенных чувств, таким ты станешь,
Любя себя, каким хотел бы стать.

Барбарина

Брат, статуя, по-моему, вполне
Порядочный философ.

Ренцо

Он, сестра,
Философ-статуя, прогорклый, затхлый
Нравоучитель; он не опроверг,
Что себялюбие причина действий.

Кальмон

Я так же думал, юноша, как ты,
Тому четыре века. Презирал
Людей, как ты. Хотел добиться силой,
Чтоб не зависели мои поступки
От себялюбия. И вот тогда
Мое окаменело сердце, тело
Во мрамор обратилось, я упал
На землю и лежал года, покрытый
Травой и грязью. Брошенный чурбан,
Мишень прохожих, отдающих дань
Природе. Так со всяким смертным будет.
Когда он жить захочет вопреки
Любви к себе, началу всех деяний.

Ренцо

Не стоило являться с канителью
Такою скучной, чтобы доказать,
Что я был прав, нелепая фигура!
Итак, все – себялюбие, все, все.

Кальмон

Несчастный философишко, ты речь
Ведешь, как нечестивцы, что, пытаясь
Дать оправдание своим порокам,
Клевещут на высокие дела
Творца Вселенной. Где любовь к себе,
Там также милосердье, состраданье
К несчастному, стремление к добру,
Страх перед смертью, перед вечной мукой.
Не убегай от правды. Человек –
Часть Высшего Творца. Любя себя,
Создателя он любит. В человеке
Любовь к себе – небесный дар, но тот
Ее всего сильнее ощущает,
Кто, действуя добром, и состраданьем,
И милостью к счастливой, вечной жизни,
Себя в своем истоке возлюбив,
Возносится и верит в добродетель,
Которую наставники твои
Зовут, себе к удобству, фанатизмом.
Придет ужасный час, и поневоле
Природа человеческая станет
Чувствительной к страданью. Будет миг,
Да, будет миг, – ты сделаешься мерзок
Всем людям; и единым утешеньем
Твоим останется, что ты питал,
Пока ты жил, мысль о своем величьи
Вплоть до своей кончины на земле.
Не приучай души, беря пример
С зловернейших философов, к неверью
В верховную, бессмертную обитель.
Скот грязный, кверху рыло подыми,
Взгляни на звезды в небесах, довольно
Здесь мыслью шарить в чувствах и ни в чем.

Барбарина

А в общем эта статуя разумна.

Ренцо

Да, да, вполне. И все-таки она
Мне быть философом не мешает.

Кальмон

Не помешаю, но ты им не будешь.
Людская слабость слишком велика.
Ты, дурачок, познаешь это вскоре.
Ты философствуешь, но не философ.

Ренцо

Но кто ты, наконец? Зачем ты здесь?

Кальмон

Я некогда был царь людей, теперь
Царь Изваяний. Подданных моих
Ценю я выше, чем живых, которых
Философы дурные развратили.
Меня спасли из грязи ваши деды
И водрузили посредине сада
В соседнем городе. Вознаградить
Вас, дорогие сироты, пришел я
За доброе деянье ваших предков.

Барбарина

О, дорогая статуя! Ты, значит,
Знавала наших предков? Так скажи,
Чьи дети мы? Ты это знать должна.

Кальмон

Да, но сказать я не могу. Скажу лишь,
Что вы во власти страшного сплетенья
Враждебных сил; освобождение ваше,
Разгадка тайны вашего рожденья
Зависеть будут от Зеленой Птички,
Слетающей с любовью к Барбарине.

Ренцо

Я начинаю сомневаться в том,
Что он дурак. Глухие предсказания...
Любовь Зеленой Птички, от которой
Зависит наша участь... Истукан,
Который рассуждает... Голова
Кружится... Ничего не понимаю.

Кальмон

Не удивляйся. Многие живые,
Быть может, больше статуи, чем я.
Ты сам познаешь силу изваянья
И превращения в статуи людей.
Нагнитесь, подберите этот камень;
Идите в город; там перед дворцом
Швырните камень; станете мгновенно
Из нищих богачами; в тяжких бедах
Кальмона призывайте, я ваш друг.

*Землетрясение, чудеса. **Кальмон** скрывается.*

Ренцо

Кальмон, сестра, нас сиротами бросил,
Голодными, холодными, в испуге
И с камнем в кулаке. О, боже мой!

Барбарина

(поднимает камень)

Пойдем, как он сказал, и бросим камень
Перед дворцом. Посмотрим чудеса,
Которые нам обещал Кальмон.
Грозящих нам опасностей, быть может,
Мы избежим, а даже и в беде,
Когда в других сочувствие мы встретим,
Нас не оставят счастье и веселье.

Действие второе

Дворцовая зала. Звуки марша.

Явление I

Король Тарталья, стража.

Панталоне, позади Тартальи, боязливо.

Тарталья меланхоличен и раздражен; кричит трубачам, что у него сил нет, чтобы они перестали раздирать ему уши своей музыкой, и т. д. Велит страже уйти.

Панталоне (в сторону). Его величество не в духе. Он хотел бы поздравить его с покорением мятежников, с прибытием, но не решается, потому что тот в дурном настроении, а он знает, что это король с норовом, как лошадь.

Тарталья (в сторону). Это пол, по которому ходила его Нинетта. Там кухня, где она была голубкой и благодаря ей сгорало жаркое; где она превратилась в женщину. Там судомойня, куда покойный король, его отец, велел ей укрыться в торжественный день их несчастной свадьбы. Вспоминает нежности, ласки и т. д., плачет украдкой, чтобы не увидел двор и не открыл его слабости, потом торопливо вытирает глаза и становится снова величественным и суровым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.